

Решение о заключении под стражу как часть приговора: мера пресечения или обращение наказания к исполнению

Аннотация. Избрание в отношении подсудимого меры пресечения в виде заключения под стражу на единственном основании необходимости обеспечить исполнение приговора, без установления и учета риска уклонения от отбывания наказания, недопустимо. В подобных случаях у меры пресечения отсутствует фундаментальное свойство — ее превентивный характер, в связи с чем возникающие уголовно-процессуальные отношения не регулируются положениями гл. 13 УПК РФ, а подпадают под действие гл. 46 УПК РФ, регулирующей вопросы обращения приговора к исполнению. Обращение же не вступившего в законную силу приговора в части назначенного наказания к немедленному исполнению в обход установленного законом запрета, а равно избрание меры пресечения соответственно назначенному наказанию при постановлении приговора исключительно в целях его исполнения, входит в противоречие с конституционным принципом презумпции невиновности. Автор утверждает, что положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ, определяющие возможность избрания меры пресечения для обеспечения исполнения приговора, по своему конституционно-правовому смыслу предполагают, что в целях обеспечения исполнения наказания, назначенного по не вступившему в законную силу и не обращенному к исполнению приговору, суд вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый уклонится от отбывания назначенного ему наказания. Суд не вправе избрать или изменить в отношении обвиняемого меру пресечения соответственно назначенному наказанию одновременно с постановлением приговора. Вопрос необходимости применения меры пресечения в связи с постановлением приговора подлежит разрешению в отдельном судебном заседании по ходатайству стороны обвинения или по инициативе суда после провозглашения приговора.

Ключевые слова: право на свободу; право на защиту; презумпция невиновности; уголовный процесс; суд; приговор; заключение под стражу; решение о мере пресечения; арест при постановлении приговора; подсудимый; обращение приговора к исполнению.

Для цитирования: Филатьев В. А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: мера пресечения или обращение наказания к исполнению // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 2. — С. 141—149. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.141-149.

© Филатьев В. А., 2020

* Филатьев Владислав Александрович, аспирант Российского государственного университета правосудия, адвокат, Адвокатская палата Калининградской области
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
vlad_filatyev@mail.ru

Remand in Custody as Part of a Sentence: A Restrictive Measure or Presentation of the Sentence for Execution

Vladislav A. Filatyev, Postgraduate student of the Russian State University of Justice, Attorney,
Kaliningrad Region Legal Association
ul. Novocheryomushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418
vlad_filatyev@mail.ru

Abstract. Choosing remand in custody for the defendant on the sole basis of the need to ensure the execution of the sentence, without establishing and taking into account the risk of evading serving the sentence, is unacceptable. In such cases, the restrictive measure lacks a fundamental feature, i.e. its preventive nature. In this regard, the emerging criminal procedural relations are not governed by the provisions of Ch. 13 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, but are subject to Ch. 46 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, regulating the issues of presentation of the sentence for execution. The presentation of the sentence, yet to enter into legal force, in terms of the punishment imposed, for immediate execution bypassing the prohibition established by law, as well as the choice of a restrictive measure according to the punishment imposed when deciding the sentence solely for the purpose of its execution, contradicts the constitutional principle of the presumption of innocence. The provisions of Part 2 Art. 97 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation determine the possibility to choose a restrictive measure for ensuring the execution of the sentence. The constitutional legal sense suggests that in order to ensure the execution of the punishment imposed by a sentence yet to become effective, the court has the right to choose or change a restrictive measure according to the punishment imposed, if there are sufficient grounds to believe that the accused will evade serving the sentence imposed on him. The court does not have the right to choose or change a measure of restraint in respect of the accused according to the sentence imposed simultaneously with the sentencing. The issue of the necessity of applying a restrictive measure in connection with the decision of the sentence shall be resolved in a separate court session at the request of the prosecution or at the initiative of the court after the pronouncement of the sentence.

Keywords: right to liberty; right to defense; presumption of innocence; criminal procedure; court; sentence; detention; decision on the measure of restraint; sentence arrest; defendant; presentation of the sentence for execution.

Cite as: Filatyev VA. Reshenie o zaklyuchenii pod strazhu kak chast prigovora: mera presecheniya ili obrashchenie nakazaniya k ispolneniyu [Remand in custody as part of a sentence: A restrictive measure or presentation of the sentence for execution]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(2):141-149. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.141-149. (In Russ., abstract in Eng.).

В числе других вопросов, разрешаемых в совещательной комнате при постановлении приговора, суд решает, следует ли отменить или изменить меру пресечения в отношении подсудимого (п. 17 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), а в силу п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должно содержаться решение о мере пресечения в отношении подсудимого до вступления приговора в законную силу.

К самостоятельному основанию для избрания меры пресечения, согласно положениям ч. 2 ст. 97 УПК РФ, федеральный законодатель отнес необходимость обеспечения исполнения

приговора. Исходя из буквального содержания — поскольку в диспозиции нормы не отражено, об исполнении какого приговора идет речь, — данными положениями не исключается возможность избрания меры пресечения при постановлении в отношении подсудимого обвинительного приговора, то есть по не вступившему в законную силу приговору, на основании необходимости обеспечить его исполнение после вступления в законную силу.

При этом, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в своих решениях, необходимость исполнения приговора не может служить единственным основанием избрания

меры пресечения или продления ее срока до постановления приговора. В определении от 18 июля 2017 г. № 1541-О разъяснено, что ч. 2 ст. 97 УПК РФ, допуская в системе уголовно-процессуального регулирования избрание в целях обеспечения исполнения наказания меры пресечения до вступления приговора в законную силу, действует с учетом установленных в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ ограничений на применение меры пресечения в виде заключения под стражу. Такая правовая позиция основана на том, что указанная статья определяет особый порядок направления осужденных в колонию-поселение, который обусловлен самостоятельным следованием осужденного в колонию-поселение за счет государства, и конкретизирует, что по решению суда осужденный может быть заключен под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем в порядке, предусмотренном ст. 75 и 76 УИК РФ, в случаях уклонения его от следствия или суда, нарушения им меры пресечения или отсутствия у него постоянного места жительства на территории Российской Федерации¹. Перечисленные обстоятельства образуют перечень рисков obstructивного поведения, установление хотя бы одного из которых судом, как это следует из буквального смысла законоположений, может являться достаточным для избрания меры пресечения в целях обеспечения исполнения приговора.

Кроме того, при постановлении приговора суду надлежит решить вопрос о порядке следования к месту отбывания наказания только в отношении осужденного к лишению свободы в колонии-поселении (п. 11 ч. 1 ст. 308 УПК РФ).

Иными словами, федеральный законодатель, установив в качестве правила, что в целях обеспечения исполнения наказания, назначенного по не вступившему в законную силу и не обращенному к исполнению приговору, суд одновременно с постановлением этого приговора вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию и что до постановления приговора необходимость его исполнения не может служить единствен-

ным основанием избрания меры пресечения или продления ее срока, предусмотрел только одно исключение из данного правила, согласно которому при осуждении подсудимого к лишению свободы в колонии-поселении последнее действует с учетом перечисленных выше ограничений. Каких-либо иных исключений закон не предусматривает.

Изложенное свидетельствует о том, что в случае назначения судом при постановлении обвинительного приговора наказания в виде реального лишения свободы не в колонии-поселении часть 2 ст. 97 УПК РФ допускает возможность одновременного избрания в отношении подсудимого заключения под стражу в качестве меры пресечения на единственном основании необходимости обеспечения исполнения приговора, не устанавливая и не учитывая при этом риск уклонения от исполнения назначенного наказания.

О том, что ч. 2 ст. 97 УПК РФ придается такой смысл, свидетельствует сложившаяся в России правоприменительная практика.

В резолютивной части приговора суды в одних случаях указывают на отмену меры пресечения, если таковая была применена, и формулируют распоряжение взять подсудимого под стражу в зале судебных заседаний, а в других указывают на изменение ранее действовавшей меры пресечения на заключение под стражу. В описательно-мотивировочной части приговора мотивы решения о мере пресечения судом не приводятся, риски уклонения от исполнения назначенного наказания не устанавливаются. По результатам обжалования таких решений одновременно с приговорами вышестоящая инстанция подтверждает правомерность заключения подсудимого под стражу на том единственном основании, что он был осужден к реальному лишению свободы.

Таким образом, на практике решение вопроса о мере пресечения при постановлении приговора зависит лишь от того, какое наказание назначено подсудимому. В частности, мера пресечения в виде заключения под стражу применяется

¹ Определение КС РФ от 18.07.2017 № 1541-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision290260.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

судом практически ко всем лицам, осужденным к реальному лишению свободы. В связи с этим возникает уверенность в том, что суды исходят из презумпции недобросовестности лица, приговоренного к реальному лишению свободы.

Однако, как указывает И. С. Дикарев, «для такой презумпции нет оснований уже потому, что обвиняемый после вынесения приговора хотя и именуется осужденным, виновным еще не признан»².

По мнению К. Б. Калиновского, «презумпция невиновности ограничивает применение мер пресечения в целях обеспечения исполнения приговора. Меры пресечения обеспечивают исполнение приговора, который еще не вступил в законную силу (апелляция, кассация) или которого еще не существует (предварительное расследование, предание суду). Поэтому и сам приговор, и наказание еще являются предметом спора сторон, они еще вероятны, сомнительны. Такие сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого»³.

На наш взгляд, до вступления приговора в законную силу его постановление само по себе не может рассматриваться в качестве обстоятельства, имеющего юридическое значение применительно к вопросу о наличии оснований для одновременного избрания в отношении обвиняемого меры пресечения. Поскольку приговор в этот период является лишь суждением суда по вопросам о виновности и назначении наказания, значение имеет риск уклонения обвиняемого от исполнения наказания, который способен вызвать постановление приговора. При этом важно иметь в виду, что наличие такого риска может быть установлено и учтено судом в качестве обстоятельства, подтверждающего необходимость обеспечения исполнения

приговора, то есть определенного в ч. 2 ст. 97 УПК РФ основания для избрания меры пресечения соответственно назначенному наказанию, только при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый после постановления приговора уклонится от его исполнения, о чем должны свидетельствовать, помимо факта постановления приговора, иные обстоятельства. Другими словами, одно только назначение судом наказания, в отсутствие установленного риска уклонения от его исполнения, недопустимо рассматривать в качестве обстоятельства, подтверждающего необходимость обеспечения исполнения приговора.

Как полагает С. И. Вершинина, «важным шагом в совершенствовании института мер пресечения должно стать установление правового значения обстоятельств, обозначенных в ч. 2 ст. 97 УПК РФ, а именно — обеспечение исполнения приговора и возможная выдача лица». Рассуждая о том, являются ли данные обстоятельства основаниями в буквальном понимании этого слова, автор делает вывод о том, что, «допуская применение мер пресечения для исполнения приговора, законодатель в данной норме указывает не столько основания и цель их применения, сколько этап уголовного судопроизводства, в котором допускается применение указанных мер — это стадия исполнения приговора, начинающаяся с момента вступления приговора в законную силу. С этого времени осужденный уже не считается обвиняемым в смысле ст. 47 УПК РФ, поэтому применять к нему положения гл. 13 УПК РФ, предусматривающие превентивное принудительное воздействие, неверно»⁴.

Приведенная научная позиция полностью согласуется со сделанным нами выводом о том,

² Дикарев И. С. Разрешение судом вопроса о мере пресечения при постановлении приговора // Мировой судья. 2008. № 11. С. 23—25.

³ Калиновский К. Б. Законность применения меры пресечения в целях исполнения приговора в российском уголовном процессе // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве : материалы Международной научно-практической конференции (Саранск, 7—8 дек. 2006 г.) / МГУ имени Н. П. Огарева ; Мордовский гуманитарный институт ; [ред. кол.: Л. Д. Калинкина (отв. ред.), Н. Р. Мухудинова, О. А. Сухова]. Саранск : Мордовское книжное издательство, 2006. С. 192—195.

⁴ Вершинина С. И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 122.

что при постановлении приговора суд не вправе избирать меру пресечения на основании одного только факта его постановления как обстоятельства, подтверждающего наличие основания для избрания меры пресечения, предусмотренного в ч. 2 ст. 97 УПК РФ.

Но если продолжить рассуждения на эту тему и изучить проблему глубже, придется прийти к неутешительным выводам.

Отдавая в резолютивной части приговора распоряжение заключить подсудимого под стражу, без установления и учета фактических обстоятельств, которые могут свидетельствовать о намерении уклониться от его исполнения, суд на самом деле не преследует цели оказать на подсудимого превентивное принудительное воздействие, являющееся фундаментальным свойством любой из таких мер. При этом в целях решения вопроса о наличии соответствующего основания для избрания меры пресечения необходимость обеспечения исполнения приговора рассматривается судом в том смысле, что под обеспечением понимается не гарантия исполнения чего-либо, а его непосредственное исполнение (фактическая реализация). Учитывая, что время содержания подсудимого под стражей засчитывается в срок лишения свободы после вступления приговора в законную силу, а само заключение под стражу применяется судом исключительно для последующего зачета в счет назначенного наказания, необходимость обеспечения исполнения приговора замещается истинной целью — необходимостью его исполнения. Изложенное позволяет утверждать, что суд применяет заключение под стражу не в качестве меры пресечения.

Следовательно, возникающие в подобных случаях уголовно-процессуальные правоотношения, связанные с фактическим лишением обвиняемого свободы на основании не вступившего в законную силу приговора, не охватываются институтом мер пресечения и не регулируются положениями гл. 13 УПК РФ. Тогда чем же на самом деле регулируются эти правоотношения?

Так как заключение под стражу производится с целью лишения свободы, а последующее содержание под стражей по своему существу равнозначно отбыванию наказания в виде ли-

шения свободы и осуществляется на основании постановленного приговора и во исполнение сформулированного в нем распоряжения (при том что такое наказание, соответствующее по характеру ограничений заключению под стражу, судом и было назначено подсудимому), представляется, что данные правоотношения в полной мере подпадают под действие гл. 46 УПК РФ, регулирующей вопросы обращения приговора к исполнению.

Однако в силу положений ст. 390 УПК РФ приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке, если он не был обжалован сторонами (ч. 1), и обращается к исполнению судом первой инстанции в течение 3 суток со дня его вступления в законную силу или возвращения уголовного дела из суда апелляционной инстанции (ч. 4). По смыслу закона обращение приговора к немедленному исполнению не допускается.

Таким образом, заключение обвиняемого под стражу осуществляется судом с нарушением процедуры, установленной уголовно-процессуальным законом. Оснований для обращения назначенного наказания к немедленному исполнению в порядке процессуальной аналогии не имеется, поскольку заключение под стражу не применяется судом в качестве меры пресечения.

К сожалению, отдельные научные и практические работники, полагающие, что мера пресечения является «тенью» наказания, совершенно искренне не понимают, почему при постановлении приговора суд должен хоть как-то ограничиваться в возможности избрания заключения под стражу. Считают, что у суда, убежденного в виновности подсудимого и назначившего наказание в виде реального лишения свободы, не может быть сомнений по поводу меры пресечения. Если суд уже высказал свою позицию о наказании подсудимого, которого невозможно оставить на свободе, то почему должна быть иная позиция по вопросу, заключать его под стражу или нет?

Ответом на этот вопрос могут послужить следующие соображения. Применительно к обвиняемому, позиция которого в ходе рас-

смотрения уголовного дела была направлена на оправдание и который был взят под стражу исключительно на единственном основании необходимости исполнения приговора, указанный законодательный дефект приобретает особые свойства. В этом случае в его отношении нарушаются конституционные принципы справедливости и соразмерности, а сам факт произвольного лишения свободы представляет собой нарушение принципа презумпции невиновности и со стороны всеми, кроме самого суда, воспринимается именно так. Ввиду возникновения эффекта «сорванной маски» при заключении под стражу так и не признавшего вину в преступлении обвиняемого непоправимо подрывается доверие к судебной власти. Создается впечатление, что он был «наказан» судом в том числе и за занимаемую позицию в отношении предъявленного обвинения. Разве можно при таких обстоятельствах говорить о торжестве правосудия?

Вряд ли найдется здравомыслящий человек, который будет утверждать о справедливости заключения под стражу невиновного, притом что именно таковым в силу объективного положения в этот момент все еще считается подсудимый, если исходить из конституционных предписаний. И при этом совершенно неважно, к какому мнению по вопросу доказанности обвинения пришел суд, поскольку его приговор не имеет юридической силы и может быть оспорен. Как представляется, несмотря на то что презумпция невиновности подсудимого для суда первой инстанции фактически перестает действовать — поскольку последний признан виновным и у суда по вопросам виновности и наказания нет сомнений, — это вовсе не значит, что обвиняемый вообще может быть лишен предоставленной ему конституционной гарантии, ее «остатков», в момент постановления приговора. Тем более что таким нарушением вызывается наступление столь серьезных последствий, описанных выше.

Необходимо констатировать, что обращение не вступившего в законную силу приговора в части назначенного наказания к немедленному исполнению в обход установленного законом запрета, а равно избрание меры пресечения

соответственно назначенному наказанию при постановлении приговора исключительно в целях его исполнения входят в противоречие с конституционным принципом презумпции невиновности, согласно которому каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ).

Более того, с целью сохранения образа беспристрастного суда судебные органы должны проявлять максимальную осмотрительность при разрешении дел. Такая осмотрительность обязывает их воздерживаться от принятия откровенно произвольных решений, к которым следует отнести и решение о заключении под стражу при постановлении приговора на основании одного только факта его постановления, применяемом не в качестве меры пресечения, представляющее собой распоряжение об обращении приговора в части назначенного наказания к немедленному исполнению. Эта обязанность налагается высокими требованиями правосудия и характером судебской должности. Иное заставляет предположить, что суд уже сформировал неблагоприятное мнение по делу обвиняемого до удаления в совещательную комнату, что объективно обосновывает сомнения в беспристрастности судьи не только у подсудимого, но и у всех других лиц. Тем самым не обеспечивается соблюдение гарантий объективности, независимости и беспристрастности суда, для которого принятие решения о заключении под стражу не является обязательным, а также ставятся под сомнение правосудность приговора, постановленного судом первой инстанции, и справедливость проведенного по уголовному делу судебного разбирательства в целом.

Данные обстоятельства должны обязательно учитываться законодателем, поскольку неправильное понимание сущности и целей мер пресечения влияет на определение оснований, условий и порядка их применения. Отчасти решение проблемы мы видим в выявлении конституционно-правового смысла положений ч. 2 ст. 97 УПК РФ, который в действительности заключается в том, что избираемая при поста-

новлении приговора мера пресечения призвана предупредить возможное уклонение обвиняемого от отбывания наказания. Другой способ решения заключается в корректировке федеральным законодателем названных положений посредством их изложения в следующей редакции:

«2. Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора *при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый уклонится от отбывания наказания*, или для возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 настоящего Кодекса».

Однако, по нашему мнению, принятия указанных мер для изменения правоприменительной практики будет недостаточно.

Очевидно, что установление и учет данных, подтверждающих намерение обвиняемого скрыться после вынесения приговора, предполагают необходимость обеспечить стороне защиты возможность привести суду контраргументы.

Между тем в соответствии со ст. 298, п. 4, 5, 7 и 17 ч. 1 ст. 299, ч. 1 ст. 303, п. 1, 4 и 5 ст. 307, п. 2, 4, 5 и 10 ч. 1 ст. 308 и ч. 1 ст. 310 УПК РФ, находясь в совещательной комнате до момента провозглашения приговора и разрешая вопросы о виновности, назначении наказания и мере пресечения одновременно, ввиду необходимости обеспечить сохранение тайны совещания суд не имеет возможности перед принятием решения о мере пресечения выяснить и учесть, а сторона защиты, соответственно, не имеет возможности довести до сведения суда позицию относительно обстоятельств, не существовавших до его удаления в совещательную комнату, но имеющих существенное значение, — последствий принятия решения о назначении подсудимому наказания.

Поскольку указанные нормативные положения не позволяют стороне защиты в период до принятия решения о мере пресечения, но после принятия решений по вопросам виновности и назначения наказания возражать против заключения подсудимого под стражу, несмотря на его осуждение к лишению свободы, ссылаясь на обстоятельства, подтверждающие наличие

гарантий явки подсудимого на судебное разбирательство в суд апелляционной инстанции и явки для исполнения приговора, требуется определить, возможно ли в условиях действующего правового регулирования обеспечить эффективную реализацию обвиняемым права участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании в его отношении меры пресечения.

Как представляется, сделать это невозможно, поскольку до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора стороне защиты не может быть достоверно известно, какой именно приговор судом будет постановлен. В связи с этим она лишена возможности дать адекватную оценку значимости нового обстоятельства, которое может свидетельствовать о необходимости избрания меры пресечения для обеспечения исполнения приговора, которое еще фактически не возникло и само появление которого носит вероятностный характер, и ей крайне затруднительно определить степень интенсивности, с какой следует осуществлять защиту от потенциально негативного воздействия выводов суда по вопросам виновности и назначения наказания.

Отсюда вытекает вывод: положения п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 5 ст. 307 и п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ не позволяют стороне защиты довести до сведения суда свою позицию по поводу значимости назначенного наказания для целей установления и учета судом риска уклонения обвиняемого от исполнения приговора как обстоятельства, подтверждающего необходимость избрания меры пресечения для обеспечения его исполнения, и тем самым лишают обвиняемого возможности эффективной реализации права участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании меры пресечения, в частности в случае, если при осуждении к реальному лишению свободы к нему применяется заключение под стражу.

Кроме того, в силу тех же законоположений решение о принимаемой при постановлении приговора мере пресечения становится его неотъемлемой частью, образуя с ним неразрывную связь. Однако, вызывая образование взаимосвязи вопросов законности, обоснованности и справедливости приговора, а также его законности и обоснованности в части избрания

при его постановлении меры пресечения, они предreshают избрание в отношении обвиняемого одновременно с постановлением обвинительного приговора меры пресечения соответственно назначенному наказанию, в частности заключения под стражу, при осуждении к реальному лишению свободы.

Поскольку данные нормы обуславливают избрание в отношении подсудимого, считающегося невиновным, по не вступившему в законную силу и не обращенному к исполнению приговору меры пресечения соответственно назначенному наказанию без учета единых для всего уголовного судопроизводства нормативных оснований и условий избрания мер пресечения, можно утверждать, что в настоящее время на практике существует и применяется не предусмотренное законом самостоятельное основание для избрания меры пресечения.

Решением перечисленных проблем могло бы стать исключение п. 17 из ч. 1 ст. 299 и п. 10 из ч. 1 ст. 308 УПК РФ. При этом, на наш взгляд, целесообразно одновременно уточнить редакцию ч. 1 ст. 255 УПК РФ следующим образом:

«1. В ходе судебного разбирательства, *а также после постановления приговора* суд вправе избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого».

Тем самым решение вопроса о необходимости избрания в отношении обвиняемого меры пресечения в связи с постановлением обвинительного приговора стало бы возможным после его провозглашения по ходатайству стороны обвинения или по инициативе суда в отдельном судебном заседании.

В данном контексте представляет интерес правовая позиция, высказанная Конституционным Судом РФ в определении от 26 марта 2019 г. № 653-О, согласно которой, применяя к подсудимому при вынесении приговора такую меру пресечения, как заключение под стражу, суд учитывает результаты судебного следствия и прений сторон, в которых они имеют возможность высказать свое мнение по всем вопросам, подлежащим разрешению в приговоре. Установ-

ленные в состязательном процессе с участием сторон на основе собранных и подтвержденных в ходе судебного разбирательства доказательств событие преступления, виновность лица в его совершении и назначенное ему наказание в виде реального лишения свободы, соответствующее характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, дают основание и для избрания при постановлении приговора указанной меры пресечения, чтобы обеспечить его исполнение, без проведения отдельной (самостоятельной, дополнительной) процедуры проверки фактических обстоятельств, с учетом которых судья принял такое решение⁵.

Может сложиться ошибочное мнение, что Конституционный Суд РФ выразил негативное отношение к необходимости решения вопроса об избрании соответствующей наказанию меры пресечения по итогам рассмотрения уголовного дела по существу в отдельном судебном заседании. На самом деле это не так, поскольку указанное определение касалось вопроса соответствия жалобы заявителя критериям допустимости обращений и при его вынесении проверка оспариваемых законоположений на предмет нарушения ими конституционного принципа презумпции невиновности не осуществлялась. Конституционный Суд РФ не выявлял конституционно-правового смысла норм, а лишь, по сути, констатировал, что они дают основание для избрания меры пресечения при постановлении приговора для обеспечения его исполнения, не требуя отдельной процедуры проверки тех же фактических обстоятельств, по поводу которых сторона защиты имела возможность высказаться в судебных прениях и последнем слове.

Такая правовая позиция убедительно подтверждает наш вывод о том, что часть 2 ст. 97 УПК РФ как по своему буквальному содержанию, так и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, предполагает решение вопроса об избрании меры пресечения без уста-

⁵ Определение КС РФ от 26.03.2019 № 653-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision398222.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

новления и учета риска уклонения обвиняемого от отбывания наказания. Конституционность же этого порядка нами и подвергается сомнению.

Анализ действующего правового регулирования, регламентирующего порядок, основания и условия применения мер пресечения для обеспечения исполнения приговора, позволяет утверждать, что:

1. Положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ, определяющие возможность избрания меры пресечения для обеспечения исполнения приговора, по своему конституционно-правовому смыслу предполагают, что в целях обеспечения исполнения наказания, назначенного по не вступившему в законную силу и не обращенному к исполнению приговору, суд вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый уклонится от отбывания назначенного ему наказания.

2. Суд не вправе избрать или изменить в отношении обвиняемого меру пресечения соответственно назначенному наказанию одновременно с постановлением приговора. Иное свидетельствовало бы о возможности обращения не вступившего в законную силу приговора в отношении лица, считающегося невиновным, к немедленному исполнению в обход установленного законом запрета. Вопрос необходимости применения меры пресечения в связи с постановлением приговора подлежит разрешению в отдельном судебном заседании по ходатайству стороны обвинения или по инициативе суда после провозглашения приговора.

3. В целях исключения из правоприменительной практики случаев произвольного лишения подсудимого свободы при постановлении приговора необходимо внесение в закон соответствующих изменений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вершинина С. И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. — 2017. — № 6. — С. 115—125.
2. Дикарев И. С. Разрешение судом вопроса о мере пресечения при постановлении приговора // Мировой судья. — 2008. — № 11. — С. 23—25.
3. Калиновский К. Б. Законность применения меры пресечения в целях исполнения приговора в российском уголовном процессе // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: материалы Международной научно-практической конференции (Саранск, 7—8 дек. 2006 г.) / МГУ имени Н. П. Огарева; Мордовский гуманитарный институт; [ред. кол.: Л. Д. Калинкина (отв. ред.), Н. Р. Мухудинова, О. А. Сухова]. — Саранск: Мордовское книжное издательство, 2006. — С. 192—195.

Материал поступил в редакцию 1 июня 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vershinina S. I. O sovershenstvovanii instituta mer presecheniya, predusmotrennogo glavoy 13 UPK RF // Zhurnal rossijskogo prava. — 2017. — № 6. — S. 115—125.
2. Dikarev I. S. Razreshenie sudom voprosa o mere presecheniya pri postanovlenii prigovora // Mirovoj sud'ya. — 2008. — № 11. — S. 23—25.
3. Kalinovskij K. B. Zakonnost' primeneniya mery presecheniya v celyah ispolneniya prigovora v rossijskom ugovnom processe // Obespechenie zakonnosti v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Saransk, 7—8 dek. 2006 g.) / MGU imeni N. P. Ogareva; Mordovskij gumanitarnyj institut; [red. kol.: L. D. Kalinkina (otv. red.), N. R. Muhudinova, O. A. Suhova]. — Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. — S. 192—195.